

Шэнь Фаши не стал использовать магическую силу, явно не торопясь возвращаться в усадьбу Сюя, чтобы разведать обстановку. Они вдвоём прогуливались по полю диких подсолнухов, где вокруг раскинулись тучные золотистые головки цветов. Эти большие «лица» бесцеремонно повернуты к солнцу, благодарно принимая его благословение, даже не задумываясь о том, достоин ли их яркое светило хоть мимолётного взгляда за их короткую жизнь.

Эта картина не навела Цзи Саньмэя на мысли вроде «Подсолнух к солнцу рвётся, да ранний иней не обманет». Он знал лишь одно: будь то каприз или попытка навредить себе — всё должно быть уместно.

Он постучал костяшками пальцев по спине Шэнь Фаши:

— Учитель, хочу семечек.

Шэнь Фаши что-то промышчал в ответ и достал из-за пазухи носовой платок, в котором лежали семечки. Зёрна были полными, крепкими, без единого щуплого.

Цзи Саньмэй радостно принял угощение, но в тот момент, когда острый кончик семечки коснулся губы, он вскрикнул от боли и втянул воздух.

— Что такое? — нахмурился Шэнь Фаши.

— Ничего, — прикрыл рот ладонью Цзи Саньмэй. — Губы сильно болят. Учитель, посмотри, не ободрал ли я кожу?

Шэнь Фаши на мгновение странно замер, затем протянул руку за спину мальчика, обхватил его за шею, приподнял выше своего плеча и прижал к груди.

Его бесстрастный взгляд скользнул по губам Цзи Саньмэя, слегка припухшим и оттого казавшимся ещё более алыми и соблазнительными, но выражение лица осталось обычным:

— Всё в порядке. Возможно, укусило насекомое.

Цзи Саньмэй потрогал верхнюю губу:

— Болит.

Не меняясь в лице, Шэнь Фаши уверенно удерживал Цзи Саньмэя одной рукой, а другой снова полез за пазуху и достал ещё один аккуратно сложенный носовой платок.

Развернув его, он показал сотню-другую очищенных ядрышек, лежащих на ткани плотными рядами, — мелких и чистых.

— Если хочешь, ешь прямо так, — сказал Шэнь Фаши.

Цзи Саньмэй, держа платок, на секунду задумался:

— Учитель сам очистил?

Шэнь Фаши ответил:

— Угу.

— А слюна на них есть?

Лицо Шэнь Фаши потемнело:

— Нет.

Цзи Саньмэй слегка разочарованно ахнул, но всё же быстро подцепил одно ядрышко и бережно отправил в рот.

Ладно, если это почистил Шэнь-сюн, то и так сойдёт.

Губы действительно болели сильно, даже малейшее движение отдавалось ноющей болью в уголках рта. Цзи Саньмэй подумал, что насекомое укусило его изрядно, но, к счастью, рядом был предусмотрительный Шэнь Фаши.

Нежареные ядрышки подсолнечника обладали свежим, хрустящим и сладковатым вкусом, а жевать их было похоже на поцелуй.

К тому времени, как они вышли из поля подсолнухов, Цзи Саньмэй съел всего три штуки.

Когда они вернулись в усадьбу Сюя, он взял седьмое ядрышко, аккуратно завернул оставшиеся в платок и бережно убрал за пазуху.

В усадьбе ещё многое предстояло уладить.

Благодаря стараниям Ван Чуаньдэна и Чанъаня, Лун Фэйань висел на волоске между жизнью и смертью, но и это состояние поддерживалось лишь потому, что каждый раз, когда в нём появлялись признаки улучшения, Ван Чуаньдэн выбивал из него эту самую жизнь, а Чанъань затем вновь возвращал его с того света.

Ван Чуаньдэн мог позволить себе такое, потому что Лун Фэйань был уже совершенно бесполезен.

Он не только откусил себе полъязыка от невыносимой боли, но и сошёл с ума.

Он лежал на кровати в оцепенении, невнятно бормоча:

— Глаза...

Как бы его ни спрашивали, он повторял только эти два слова.

Цзи Саньмэй навестил его, надеясь применить магическую силу, чтобы заставить назвать имя заказчика.

Однако его магия могла лишь слегка изменять реальность в пределах разумного, а Лун Фэйань, погружённый в безумие, был подобен куску мёртвого мяса — от него уже невозможно было получить никакой внятной информации.

Шэнь Фаши тоже навестил его, и вскоре последнее ребро Лун Фэйаня сломалось, осколок вонзился в лёгкое.

Он долго мучился, прежде чем испустил дух.

Для жертвоприношения живого человека требовалась душа одержимого, семь ядер яо и тело чистокровной девочки. К счастью, Лун Фэйань больше не мог осуществить свой план.

Одержимый Сюй Тай умер, унося с собой свои навязчивые идеи и мечты, с улыбкой исполненного желания на губах.

Ван Чуаньдэн нашёл в его комнате скелет. Кости были тщательно очищены, сияли, словно снег, и были прекрасны, словно нефрит, — видно, за ними хорошо ухаживали.

Он разжёл огонь и бросил в него кости, освободив душу женщины, насильно запечатанную в них и не находившую покоя.

Лун Юнь осталась жива, избежав предначертанной судьбы. Она временно жила у соседей, ожидая, когда её бабушка, живущая за сотню ли отсюда, заберёт её домой. Но она до сих пор не понимала, почему отец так и не вернулся. Она больше не ходила играть к павильону Ишуй, каждый день садилась на скамейку у плетня, держала на поводке маленькую жёлтую собаку и с надеждой смотрела вдаль, ожидая отца, который уже никогда не вернётся.

Но никто не знал, как она воспримет правду о смерти отца и что почувствует по отношению к тому, кто некогда был для неё божеством.

Цзи Саньмэй знал, каково это — потерять своего бога. Это было тяжело, но неизбежно, и он мог лишь надеяться, что она никогда не узнает правду.

Что касается тех призрачных колесниц, то вчерашняя бойня была лишь спектаклем, устроенным Шэнь Фаши, чтобы напугать их. Ядра яо призрачных колесниц были серьёзно повреждены, и Ван Чуаньдэн с Чаньанем поймали их, отправив в заброшенный храм для запечатывания.

В течение семи дней после возвращения из поля подсолнухов Шэнь Фаши днём и ночью читал сутры, чтобы очистить их ядра.

Призрачные колесницы приняли человеческий облик — все они были прекрасными, пленительными женщинами, изящно стоявшими там, с тонкими руками, пышной грудью, округлыми бёдрами и тонкими талиями. Одна из них лишилась руки — та самая, что случайно впитала кровь Цзи Саньмэя и была вынуждена отрезать себе крыло.

Она стояла с опущенными глазами, с мягким и спокойным выражением лица, больше не проявляя той жестокости, что была в тот день.

Их животы были плоскими — то, что они вынашивали внутри, было вырвано из них в огне. Они кричали, страдали, отчаивались, падали на колени в объявшем их пламени, отчаянно пытались защитить свой живот...

То, что они носили внутри, было средством выживания для этих несчастных женщин, но кто мог усомниться в их любви к своим детям?

Главной среди них была женщина средних лет, полная шарма, с тонкими морщинками в уголках глаз, скрывавшими очарование. Она взяла из рук Шэнь Фаши ребёнка своей племянницы, и, как только тёплый и мягкий комочек оказался у неё на руках, слёзы потекли по её щекам.

Она подняла голову и сквозь слёзы улыбнулась:

— Мастер Шэнь, спасибо вам.

Шэнь Фаши слегка кивнул в ответ.

Цзи Саньмэй, держа во рту травинку, лениво сидел на пороге храма и добавил:

— Обращайтесь с ним хорошо. Иначе я найду вас и оциплю дочиста.

Шэнь Фаши усмехнулся.

Цзи Саньмэй любил детей, и за эти полмесяца он искренне привязался к этому малышу. Когда ребёнка уносили, он намеренно отвернулся, чтобы не смотреть, и это выглядело очень мило.

Женщина, держащая ребёнка, присела в поклоне Цзи Саньмэю.

Он, не оборачиваясь, словно видел её спиной, просто поднял руку и помахал, принимая поклон.

Призрачные колесницы, строго говоря, делились на два типа: птицы гухуо уносили детей, а птицы сяхуо забирали их себе.

Женщины, ставшие сяхуо, наконец вернули ребёнка своих бывших сестёр из рук убийцы.

Даже утратив человеческий облик, они научились приносить куски человеческого мяса и бросать их у ворот усадьбы Сюя, чтобы кормить их общего ребёнка.

Цзи Саньмэй верил, что, обретя разум, они позаботятся о нём.

Ребёнка увели, и Цзи Саньмэй даже не взглянул на него.

Он внимательно слушал стрекотание кузнечиков в траве, звучащее, словно работа прялки, — плавно и нежно.

Кузнечики считались счастливыми насекомыми, символизирующими многочисленное потомство.

Когда ребёнка уносили, кузнечики в траве послали своё благословение этим женщинам.

Дело было завершено, и заказчик умер, но Шэнь Фаши оставался равнодушным:

— Пять тысяч лянов серебра получены, они твои.

Цзи Саньмэй знал, что Сюй Тай изначально пришёл в храм Цзюэми с нечистыми намерениями, и эти деньги были своего рода платой за его жизнь, но он принял их без угрызений совести.

... Деньги сами по себе не виноваты.

Перед тем как покинуть город Ичжоу, Ван Чуаньдэн предложил отправиться в самый большой ресторан города.

По мнению Цзи Саньмэя, из всех присутствующих только он один мог есть, так как Шэнь Фаши и Ван Чуаньдэн давно отказались от пищи, а Чанъань питался за счёт небес, и такая расточительность могла навлечь на них гнев. Лучше было бы просто заказать вонтоны на улице — дёшево и практично.

Но остальные трое настояли, и, узнав, что платит Чанъань, Цзи Саньмэй с радостью согласился.

<http://bllate.org/book/16281/1466304>